

Вторая половина четверга

> В октябре ему бы исполнилось 65

Ощущение, отраженное в слове

На прошлой неделе, в четверг, в библиотеке имени Люгарина состоялась встреча литераторов, посвященная памяти поэта Бориса Попова. Примечательно, что молодой литературовед из МаГУ, член Союза российских писателей Наталья Карпичева, говоря о его творчестве, отметила, что поэзия Попова не укладывается в рамки городского масштаба.

Более чем согласен с коллегой. Вот уже много лет повторяю, что Попов – поэт российского уровня, и его мироощущение, отраженное в слове, не может оставить равнодушным истинного читателя. Он впитал в себя многие поэтические школы – от Серебряного века до наших дней. Его стихам свойственны та легкость и простота исполнения, о которой Борис Пастернак писал: «Нельзя не впасть к концу, как в ересь, в неслыханную простоту».

Освоивший творчество многих поэтов, он ни на кого не похож, имеет свое неповторимое поэтическое лицо. И только безвременье, царящее в стране, тормозило заслуженное признание его творчества...

Я могу цитировать его поэзию неустанно и, право, литературная страница представляет лишь кроху его большого наследия. А сколько неизданного лежит в архиве у вдовы поэта! И все, написанное Борисом Поповым, требует исследования и бережного сохранения...

Память о друге всегда со мной. Так же, как его прекрасная лирическая исповедь, запечатленная в трех сборниках, вышедших при жизни.

ЮРИЙ ИЛЬЯСОВ,
член Союза российских писателей

Борис ПОПОВ

Попытка прощания

Так пусто и грустно
мне было вчера.
...Менялась погода,
и ветер подталый
Топтался у окон,
свистал у двора,
По комнате шарил
и лез в одеяло.
И встал я тяжелый,
и лег я больной.
И только лицом я
к стене повернулся,
Как ангел разлуки
взлетел надо мной,
И всех я простил и,
простив, встрепенулся –
Ты, птица ночная,
не плачь обо мне!
Забывший и слабый,
в пустынной постели,
Лицом повернувшись
к побитой стене –
Я чувствую ход
предпоследних метелей.
Ты, город железный
с несейтой душой,
Расставил свои батареи
и сети
И думаешь, глупенький,
что ты большой?
Ты маленький-маленький
город на свете.
Ты точка на карте,
пылинка полей,
Песчинка пустыни,
Листок среди леса!
Но нет ничего мне
на свете милей,
Чем это твое
неживое железо.
Прощайте, прощайте,
я скоро уйду!
Недаром я вижу
в оконном проеме
Зеленую, зимнюю,
злую звезду,
И стекла в истоме,
и оторопь в доме!
Лицом повернувшись
к обшарпанным снам,
Мне сладостно греть
свои горькие думы –
Как будто бы это послы
временам,
Молве и безмолвию,
сраму и шуму!

Прощайте, прощайте,
я скоро уйду –
Без слез и упреков,
угроз и обаяний –
Уже неподвластный
земному суду,
Еще не готовый
к небесной расплате.
Легки на помине,
придите, друзья!
Любимая мною
полюбит другого.
А мне остается река
и лады,
И слово, которому верил,
и слово...

То ветер по крыше,
то снег по стеклу,
То приступ хандры
и мороки...
А в эти минуты бегут
по стволу
Весенние сладкие соки.
А в эти минуты,
пока ты густой
Чаек попиваешь, скучая,
Рождается самый
веселый настой –
Смесь марта, апреля и мая.

И женщины зябко
вздыхают во сне,
И девочек жар забирает –
Ведь дело идет
к настоящей весне,
А жизнь уже и догорает.
А жизнь догорает,
начавшись едва
С уроков любви
по-французски.
Кому и какие
ты скажешь слова,
Защелкнув все кнопки
на блузке?

О, пух пролетевший,
немая стезя,
Земля, позабытая Богом,
Где трутся бок о бок,
спеша и скользя,
Родимый дурак и дорога!
Где ночь так уж ночь –
никого не видать,
Холопствуй ты, брат,
или панствуй.
Где ангел так ангел,
а б.... так уж б....
Пространство убито
пространством.

И локон по локоть,
и кровь по лицу –
Все мило и все ненавистно.
Но разве расскажешь
про то подлецу,
Про слезы любви
и отчизны...

Оправдание

Сквозь ангельские
всхлипы за плечом
Я, видя Бога, но взирая
мимо:
«Она не виноватая
ни в чем!» –
Отвечу на вопрос
неотвратимый.
Она не виноватая ни в чем,
Печальная молчаливица
рассветов.
И то, что я нечаяно увлечен
Был ею, вопреки
Твоим заветам, –

Моя вина, а не ее. Она,
По совести,
мне не давала слова.
А то, что ель есть ель,
а не сосна –
Вина ведь не создания
земного,
Но лишь творца
и мастера?.. Прости,
Мои, Всевышний,
дерзостные речи!
Я говорил,
что пресекались пути.
А Ты подумал –
прикоснулись плечи.

Она не виноватая ни в чем.
Все обвиненья
призрачны и ложны.
И я готов стать камнем,
кирпичом,
И пустотелым облаком
дорожным,
Но отведи десницу от нея!
И пусть она хитра
и глуповата,
Во всем виновен
только я и я –
Она ни в чем, ни в чем
не виновата.

Вот и все. Я стар и страшен,
Только никому не нужен,
Как Евгений Рейн
признался.

Мы встречались
под Москвой.
Над дымами труб и башен
Городских, по лжи и лужам,
Осень свищет
в темпе вальса,
Заноса наш путь листвою.
Вот и все. А думал – только
Это середина жизни.
И болезнь, и смерть,
и тризна,
И забвенье впереди.
Отшумела наша полка.
Разбродились по отчизнам
Все друзья мои,
с капризным
Рваным солнышком
в груди.

Доставай пузырь, товарищ!
И хоть я давно не пьющий,
Посижу, повспоминаю
Наш бывалый перетреп.
Ты талоны отоваришь
И домой вернешься
злующий,
Пачку с творогом сминая –
Впрочем, все об этом, стоп.
Но как тянет бабье лето!
Да закончилась потеха.
И усталость напласталась
На последние стихи.

Так и надо жить поэту.
От рыдания до смеха
Расстояние-то малость –
Может, пудра и духи...

Хоть бы снег скорее выпал.
Я б с товарищами выпил.
Снега хочется такого,
Чтобы узнавать следы.
Надоела эта слякоть:
Не поймешь –
где твердь, где мякоть.
А кому-то скажешь слово –
Недалеко до беды.

Снега хочется, как счастья,
Как любви и как участия
Бескорыстного людского:
Вот вам спички, вот табак!
Надоели эти страсти,
Эти сети, эти снасти!
..А кому-то скажешь слово –
Он продаст тебя за так.

Хоть бы снег скорее выпал.
Я б с товарищами выпил
Мы бы вышли бы на ветер,
Потолкались на ветру.
Есть друзья – и слава Богу!
Затаю свою тревогу.
Пусть живут они на свете.
Даже если я умру.

Ночь проходит понемногу.
Никого со мною нет.
Только этот – слава Богу –
Тихий, сумеречный свет.
Только этот, только этот

Свет над крышечкой стола.
Никого со мною нету,
А когда-то ты была.

А когда-то ты дышала,
Хохотала за плечом,
И смущала, и мешала,
И болтала ни о чем.
И не то чтоб там
кружилась
Голова в твоём дыму –
Просто пелось и служилось
Счастьем, счастьем одному.

Ведь и в дождь, и в зной,
и в холод,
В сроки самых
полных лун –
Был и я когда-то молод,
Был и я когда-то юн.
А теперь, помимо грусти,
Никого со мною нет.
Только свет из захолюстья.
Тихий свет, последний свет.

Уже за шторами темно.
И день минувший поминаю,
Не понимаю ничего,
Я ничего не понимаю.

И все не то, и ты не та.
Под дверью вспыхнет свет
мгновенный
И вновь погаснет. Темнота.
Измена полная. Измена.

Смешон стареющий поэт,
Но откровенно ужасаясь,
Я соглашаюсь – нет так нет.

Ну, соглашаюсь,
соглашаюсь!
Огонь из пепла твоего
Я сам раздул. И сам отвечу.
Не понимаю ничего.
И не перечу, не перечу.

Дай Бог тебе не ведать мук
И не идти дорогой ада.
А мне, мой маленький,
мой друг,
Мне ничего уже не надо.

Дует, дует по квартире,
Ветер ходит ходуном.
В этом море, в этом мире
И живешь одним лишь
днем.

И живешь,
как Бог позволил,
Как задумал Сатана –
То без хлеба, то без соли,
То без сала и вина.

От ветров полусвободных,
От костров полусвятых,
От годов каких угодно –
Подсыхает даже стих.
Даже стих впадает в спячку.
И хотя не тот манер –
Все полячку, все гордяхку
Мчит жестокий кавалер.

Распускает косы дева,
Кудри вьются, как метель.
Мне направо, ей налево –
Прямо в теплую постель.
Прямо в мягкие объятия,
Прямо в сон со всех сторон,
Прямо – сбрасывая платье,
Темным кленам в унисон!

Дует, дует, поддувает,
Рвется жизнь, как динамит.
С каждым часом убывает,
Убивает и дымит.

И меня страшит ночами
Стук колес,
верховный свет –
Это грозное молчанье
Той любви, которой нет.
И меня пытает век мой,
Гонит зависть и вина.
Очень трудно человеку –
Потому, что жизнь одна.
Потому, что жизнь –
как случай,
Жребий, выдававшийся нам.
Не бросай меня! Не мучай.
Очень страшно по ночам.
В доме бродят
привиденья,
Принося то свист, то лай.
...Будь хоть звуком,
будь хоть тенью,
Но меня не оставляй!

Белый день ломает стены.
И летят по всей Руси,
И летят по всей вселенной,
Пух роняя словно пену,
Гуси строго и степенно!
...Не бросай меня. Спаси ☺

> Пусть лучше освищут за хорошие стихи, чем наградят аплодисментами за плохие. Виктор ГЮГО